

AB

Книги Анны Берсеновой – истории сильных чувств:

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный

●

СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Слабости сильной женщины
Ревнивая печаль

●

СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка, Маруся Климова

●

«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черни

●

«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»

Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«ТРИ ДОЧЕРИ»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена

●

Странная Лиза
Портрет второй жены

●

Стильная жизнь
Двое в Барселоне

Гадание при свечах

Флиртаника всерьез

Все страсти мегаполиса

Женщина из шелкового мира

Рената Флори

Глашенька
Вангелия

«ЖЕНЩИНЫ ДА ВИНЧИ»

Женщины да Винчи
Вокзал Виктория
Героиня второго плана

Анна
Берсенева

звезда
по имени Эстер

роман

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

В оформлении обложки использована репродукция картины Герберта Джеймса Дрейпера «Попурри», (1897)

Ранее роман выходил под названием
«Нью-Йорк — Москва — Любовь»

Берсенева, Анна.

Б51 Звезда по имени Эстер : роман / Анна Берсенева. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Русский характер. Романы Анны Берсеневой).

ISBN 978-5-699-85206-2

Американская артистка Алиса приезжает в Москву для участия в российской постановке известного бродвейского мюзикла. Сравнение Москвы и Нью-Йорка сначала напоминает ей игру «Найди десять различий». Но вскоре Алисина жизнь выходит за рамки игры на сцене и увлечений богемы. Слишком много разнообразных чувств вмещает в себя Москва.. Алиса догадывается, что таким же «вместилищем чувств» был этот город и в 20-е годы, на которые пришлась московская молодость ее бабушки. Рассказы бабушки о ее жизни, яркой, как фейерверк, Алиса то и дело вспоминает в России. Ведь и с ней здесь начинают происходить события, которые полностью меняют ее жизнь...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сотникова Т. А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-85206-2

ЧАСТЬ I

Глава 1

— *М*оя бабушка сложила все свои вещи в два плета и связала, и у нее получилось два больших узла. Они были тяжелые, и она не могла поднять оба сразу. Поэтому бабушка взяла только один узел, а второй бросила в окно. И уже потом подобрала его на клумбе, чтобы положить в такси.

Алиса с удовольствием втянула в себя сизый сигаретный дым. Ей нравилось, что в комнате так накурено.

— Почему?

Марат выпустил в тусклое пространство очередную дымную порцию. Наверное, он заметил, что Алисе это нравится; во всяком случае, усмехнулся. И, наверное, решил: это оттого, что ей надоела правильно устроенная американская жизнь. И еще решил: что ж, пусть наслаждается неправильной. Чего-чего, а всяческих неправильностей в России достаточно.

Алису сердило, что он так легко догадывается о ее мыслях и чувствах. Как это сказать — читает в ней как в открытой книге? Ну да, читает, и даже

не особенно вчитывается, потому что и мысли, и чувства ее очень незамысловаты.

«Ну и пусть!» — сердито подумала она.

— Почему? — повторил он. — Почему твоя бабушка бросила узел в окно?

— Потому что она не могла поднять два узла одновременно, — повторила Алиса.

— Нет, я в том смысле — почему еще раз за вторым узлом не поднялась? Боялась, такси уедет?

Алиса удивленно посмотрела на Марата. Ну вот, считает ее примитивной американкой, а сам не понимает таких простых вещей!

— Потому что моя бабушка не хотела еще раз войти в дом человека, которого она не любила, — разъяснила Алиса. — Она решила уйти немедленно. Один раз и навсегда.

— Импульсивная у тебя была бабушка, — усмехнулся Марат. — Видно, сначала делала, потом думала.

— Вряд ли. Мне никогда не казалось, что она делала что-нибудь важное, если сначала не подумала. Но, наверное, у нее был особенный способ думать — когда и думаешь, и чувствуешь одновременно.

— Откуда ты знаешь? — пожал плечами Марат.

— Я знаю по себе, — улыбнулась Алиса.

— Как ее звали?

— Эстер. Это значит — звезда.

— Ну, тогда ты и правда на нее похожа, — хмыкнул Марат. — Ты, Алиска, по всем замашкам звезда.

Комната казалась сумрачной и от густого дыма, и от того, что освещалась единственной лампоч-

кой. Правда, на ней был абажур, но он казался Алисе ужасным: пластмассовый, плотный и пыльный, абажур скрадывал весь свет этой лампочки, и без того неяркий, превращал его в небольшое пятно на полу. Она с детства ненавидела тусклый свет, и когда стала жить отдельно от мамы и Джека, то сразу же купила в свою нью-йоркскую квартиру множество ярких ламп. Она покупала их и покупала, и остановилась, только когда соседка сказала, что по вечерам ее окна сияют так, будто в квартире пожар.

Но к комнате, в которую ее пригласил Марат, Алиса не предъявляла никаких претензий. Своего жилья в Москве у Марата не было, квартиру он снимал вместе с двумя приятелями, и то, что сегодня ему удалось добыть для встречи с Алисой эту вот скудную комнату в коммуналке, можно было считать удачей.

К тому же он купил в честь их встречи продукты — она видела у него в руках пакет, из которого торчала яркая коробка с замороженными блинчиками, — и это было очень трогательно. Алиса уже поняла, что русские мужчины отводят возню с едой женщинам, такое уж у них сознание, и если они все же берут на себя кухонные заботы, это означает, что женщина им очень нравится и они хотят сделать ей приятное.

Наверное, у нее тоже оказалось русское сознание, потому что такое странное отношение к женщинам и к кухне было ей понятно. Хотя и очень отвлеченно понятно — сама она относилась к этому, конечно, иначе.

Марат открыл створку окна и достал шампанское, которое полчаса назад поставил охлаждаться между рамами. Дом был старый, с широкими стенами, и бутылка легко помещалась между рамами его окон, а на подоконнике можно было сидеть и даже спать. Алиса как раз и сидела сейчас на подоконнике — не того окна, в котором стояло шампанское, а другого, трехстворчатого, венецианского. Сидеть на подоконнике нравилось ей так же, как смотреть на сизый сигаретный дым в комнате. И даже больше ей это нравилось, чем дым. Ей вообще нравилась Москва, а точнее, она как-то очень... правильно чувствовала себя в Москве, и это ее немного пугало, потому что в Нью-Йорке она давно уже заметила: все, кто говорит, что мог бы жить в Москве, обязательно немного сумасшедшие или хотя бы люди со странностями — с тараканами в голове, как здесь это называют. В Москве уже лет десять как установилась бурная жизнь — бизнеса, искусства, просто общения, — поэтому туда постоянно ездили какие-нибудь Алисины нью-йоркские знакомые, и все в один голос говорили, что это чрезвычайно интересный город. Но при этом все с облегчением вздыхали оттого, что время этого города в их жизни прошло. Те же, кто утверждал, что в этом городе не только можно, но даже очень хорошо жить, были сумасшедшие, и это было известно о них задолго до того, как они съездили в Москву.

Но себя-то Алиса сумасшедшей не считала, она даже странностей в себе никаких не находила — просто до неприличия, человеку искусства невоз-

можно быть таким нормальным! — поэтому то состояние правильного счастья, которое охватило ее в Москве, казалось ей немножко пугающим.

Сухо хлопнула пробка, зашипело шампанское. Алиса увидела, что Марат наливает его в бокалы, которые купил вместе с продуктами. Это были настоящие бокалы для шампанского, высокие и узкие. Еще она увидела, что на столе стоит пластмассовая коробочка с клубникой. Алиса едва сдержала улыбку. Смешной Марат — думает, если она американка, то ей обязательно нужна в декабре клубника. А ей больше всего нравится жареная картошка, не фри, а такая, какую жарят только здесь, — на сливочном масле, и чтобы снаружи хрустящая корочка, а внутри исходит паром рассыпчатая мякоть. Алиса ела такую картошку только один раз, когда ночевала у Марины, ее поджарила утром Маринына мама; ничего более вкусного ей в Москве есть не приходилось.

Но сообщать Марату о своих предпочтениях она, конечно, не стала. Они в чужой квартире, и неприлично давать человеку понять, что ты не оценила его стараний, да и вряд ли он умеет жарить картошку, и вообще он очень трогательный.

— Ну что, выпьем? — сказал Марат. — За ваше прошедшее Рождество.

— Выпьем, — кивнула Алиса. — За наш общий скорый Новый год.

Шампанское было такое, как надо, — брют, и она пожалела об этом так же, как и о клубнике, которую Марат совершенно напрасно купил. Ей нравилось такое шампанское, как не надо, — его

здесь называли полусладким. Не так, конечно, нравилось, как жареная картошка, но все-таки.

— У нас будет общий Новый год? — с легким придыханием переспросил Марат.

— Ну конечно. — Алиса удивилась неожиданным интонациям его голоса. — Ведь календарь совпадает. Значит, американский Новый год будет в один день с русским. Только отличится на несколько часов.

— И где ты встречаешь американский Новый год?

— Я еще не знаю, — улыбнулась Алиса. — Ты знаешь, я первый раз в жизни двадцать седьмого декабря не знаю, где буду встречать Новый год!

— И тебе это, конечно, нравится, — хмыкнул Марат.

Она уже заметила: его слегка раздражает то, что ей нравятся такие вещи, которые не должны нравиться нормальному человеку. Но скрывать свой интерес к таким вещам Алиса не привыкла. Да она и не понимала, зачем, собственно, должна его скрывать от Марата. Он ей нравился, и она видела, что нравится ему тоже.

— Я просто еще не знаю, где буду встречать Новый год, — повторила она.

— А ты не хочешь встретить его со мной?

Алиса хорошо говорила по-русски, все в Москве удивлялись этому, будто невесть какому чуду, а у нее просто было хорошее языковое чутье, хорошая память на все, что происходило в детстве, и год общения с одним русским семейством в Нью-Йорке. Этого оказалось достаточно, чтобы

понимать не только смысл того, что говорится по-русски, но и оттенки этого смысла. И все-таки некоторые оттенки ставили ее в тупик — она не понимала их направленности. Зачем, например, спрашивать, что она не хочет сделать? Не проще ли спросить, что она хочет?

— Ты предполагаешь, что я не хочу встречаться с тобой Новый год? — на всякий случай уточнила она.

— Я не знаю.

— Я хочу, — кивнула Алиса. — Если ты меня пригласишь, то я обрадуюсь.

— Ты, может, думаешь, я тебя в компанию зову?

В его голосе снова послышалось придыхание. И смотрел он на нее с каким-то ожидающим волнением.

— Но как я могу это думать? Ведь я ничего еще не знаю, — пожалала плечами Алиса. — Ты пригласил меня только что. Это будет компания?

— Нет. Это буду я. И ты, если придешь.

Теперь его голос стал возвышенным. Или даже патетическим, Алиса не поняла. Во всяком случае, его голос стал каким-то необычным, и ей было приятно, что он говорит о встрече с нею Нового года как о выдающемся событии.

— Я приду, — кивнула Алиса. — Ты скажешь куда?

— Скажу. Сюда. Если хочешь, можешь вообще отсюда не уходить. Это теперь моя комната, и ты можешь... Я буду счастлив, если ты останешься.

Алиса молчала. Она вслушивалась в его молчание, но ничего не могла расслышать. Марат смо-

трел на нее чуть исподлобья, и она не понимала, какое чувство прячется в раскосом блеске его глаз.

— Я не знаю, буду ли счастлива, — сказала она. — Но я попробую остаться.

Алису разбудила луна — взошла и коснулась ярким серебром ее закрытых глаз, и так сильно коснулась, будто под веки проникла. Конечно, она сразу открыла глаза.

Минуту, не меньше, ее занимал только лунный свет — такой он был всепоглощающий, такой завораживающий. К тому же стекла во всех трех створках венецианского окна были волнистые от старости, и лунный свет делал их похожими на реки.

Алиса так глубоко погрузилась в этот странный переливчатый свет, что не сразу вспомнила, где находится и, главное, с кем она находится в этой комнате с венецианским окном.

Наконец чувство реальности вернулось к ней. Она повернулась на бок, оперлась локтем о подушку и посмотрела на Марата. Он спал, и она могла сколько угодно разглядывать его лицо. Оно всегда казалось ей очень интересным, даже красивым казалось ей это лицо, но разглядывать его в упор, когда Марат не спал, было все же неловко. А спящим она видела его сейчас впервые.

Его лицо было суровым. Это Алиса заметила давно, да практически сразу заметила, как только они познакомились. Но днем суровость все же была не так отчетлива, потому что Марат разговаривал, или смеялся, или сердился и ругался, и от

всего этого его лицо было подвижным, переменчивым. А сейчас в нем проступило главное.

«Как у древнего воина», — почти с опаской подумала Алиса.

Этот легкий холодок — даже не страха, а какого-то отзвука, отблеска страха — будоражил, как глоток ледяного шампанского. Она вспомнила, какие сильные, просто стальные у него пальцы; прошло, наверное, часа три с тех пор, как он сжимал ее руки — ну да, раз взошла луна, значит, не меньше трех часов прошло, — а запястья до сих пор ноют.

«Может, даже синяки остались», — подумала Алиса.

Он не был с нею груб, нисколько. Но он был порывист, и ему трудно было отмерять свою страсть порциями. А разве ей нужны были порции страсти? Совсем наоборот! Алиса вспомнила, как в первые мгновения близости ей показалось, что он не просто проникает в нее, а пронзает ее насквозь. Именно это слово пришло ей в голову — пронзает. Оно было из того же ряда, что придыхание в его голосе, и ожидающий блеск его раскосых глаз, и патетика, с которой он предложил ей остаться с ним в этой комнате... Оно было сродни вот этой воинской суровости, которой неоткуда было взяться у художавого, даже несколько субтильного звукорежиссера, но которая тем не менее проступила вдруг в чертах его лица так отчетливо, как будто составляла самую сущность его натуры.

В комнате было жарко, поэтому Марат лежал поверх одеяла голый, и Алиса могла без помех рассматривать не только его лицо, но и все тело.

Даже в серебрищем все вокруг лунном свете оно казалось смуглым — не до черноты, а совсем чуть-чуть. Это очень шло к его раскосым глазам, сейчас закрытым, и к черным волосам, которые от жары прилипли ко лбу резкими прямыми линиями. Алиса только теперь поняла, почему ему так идет смуглота. Только теперь, когда разглядела в нем вот эту необъяснимую сущность древнего воина.

Ей вообще многое стало понятнее в нем теперь. Даже не понятнее, а как-то... Она стала точнее соотносить с ним свои действия — так, наверное. Например, сейчас она знала, что может рассматривать его сколько угодно — он не почувствует ее взгляда, потому что просто не обращает внимания на такие вещи. Ни во сне, ни наяву. И на это не надо обижаться, это не невнимание к ней, а то, что есть у него внутри и что она очень приблизительно называет суровостью.

Вообще-то Алисе хотелось разбудить Марата: при взгляде на его тело, все сплетенное из узких сильных мышц, она почувствовала то же волнение, которое чувствовала три часа назад, когда первая близость с ним только предстояла. Теперь ей хотелось повторить все еще раз, и это желание повторной близости было сильнее, чем желание близости первой.

«Я уже по-русски это называю? — удивленно подумала она. — Почему близость, почему не секс?»

А не знала она почему! Москва меняла сознание, и оставалось только подчиняться этим переменам. Тем более что это было даже интересно.

Правда, удивляться неожиданно всплывшему в сознании слову все же стоило — Алиса понимала, что оно не подходит к их с Маратом отношениям. В конце концов, эти отношения еще только-только наметились, они пока держатся лишь на взаимном влечении и могут оказаться чистой случайностью... Но влечение было сильным, это Алиса чувствовала сейчас с особенной ясностью.

Она осторожно дотронулась до Маратова плеча. Плечо было горячим, у Алисы оно, наверное, было бы таким, только если бы она металась в жару. А он просто спал — дышал ровно и глубоко и даже не пошевелился от ее прикосновения.

Алисе было два года, когда бабушка объяснила ей, что будить спящего человека нельзя. То есть она даже не объясняла ей это, а просто сказала: нельзя, и все. Это теперь Алиса понимала, что бабушка повела себя с нею совсем не по-американски — по-американски надо было подробно разъяснить ребенку основания любого взрослого требования, — а тогда бабушкин необъясненный запрет показался ей вполне достаточным. Вернее, он показался ей таким же обоснованным, как и все, что делала бабушка. Эта обоснованность бабушкиных поступков и слов покоилась не на логике и не на самоуверенности. А на чем, Алиса не знала.

Во всяком случае, она даже в детстве не будила никого и никогда, это было для нее непреложно. Но ведь и такого сильного желания, которое будоражило ее при взгляде на Марата, она никогда еще не испытывала. Невозможно было считать настоящим желанием ни полудетское любопыт-